

Князь Ци, мужчина лет сорока, одетый в роскошные одежды, в сопровождении вооружённых охранников вошёл в зал. Он сразу же опустился на колени перед старой княгиней и трижды ударил лбом о холодный каменный пол:

— Тетушка, простите за опоздание! Ваш недостойный племянник явился!

Его слова о «недостойности» были лишь формальностью — он рисковал жизнью, чтобы поздравить княгиню, проявляя больше сыновней преданности, чем её собственные дети.

Старая княгиня была удивлена и тронута его появлением. Она всегда считала князя Ци племянником своего мужа, не ожидая от него особой близости. Однако сегодня он показал, что действительно заботится о ней. Княгиня попросила князя Ань помочь ему подняться и спросила:

— Как ты добрался? Всё благополучно?

Князь Ци с горечью ответил:

— Разве я мог забыть о вашем дне рождения? Даже если бы с неба падали ножи, я бы пришёл. Наш дом и страна потеряны, старшее поколение уходит, а наши современники разбросаны по свету. Я словно призрак прошлого! Вы — моя мать и мой оплот! Но из-за моих неосторожных слов я оказался заперт в Тяньцзине, не могу служить вам, как хотелось бы. Как я сожалею!

Его искренние слова, полные боли, тронули всех присутствующих, особенно учитывая его статус и то, что он говорил это своей тетушке. Пожилые люди всегда более чувствительны, и глаза княгини наполнились грустью и теплотой. Князь Ци махнул рукой, и его охранник открыл принесённый ларец из сандалового дерева, в котором находилась статуя бодхисаттвы Гуаньинь из хрусталя с золотой инкрустацией. Статуя высотой около фута была выполнена из редкого хрусталя, а золотые нити, равномерно распределённые по её спине, создавали эффект сияющего нимба. Даже Чэн Фэнтай и Фань Лянь, видевшие немало роскоши, были поражены.

Остальные гости восхищались материалом статуи, но старая княгиня узнала в ней украшение из покоев вдовствующей императрицы Цыси. Когда-то, будучи молодой княгиней, она видела, как вечернее солнце освещало эту статую, и она казалась тающей, словно лёд. Среди множества сокровищ только она излучала такой свет. Теперь, спустя годы, княгиня поняла, что таяла не статуя, а их великая империя Цин.

Княгиня внимательно посмотрела на князя Ци и со слезами на глазах сказала:

— Ты похудел, должно быть, из-за жизни в Тяньцзине! Ах, этот твой язык!

Она указала на него пальцем:

— Даже на опере ты не можешь сдержаться, прямо как в детстве! В твоём возрасте нужно быть осторожнее с словами! Ты ведь не сможешь спорить с оружием! Одна опера заставила тебя кричать и бунтовать, но такие вещи сейчас нельзя высказывать вслух! И Цзюлан, который раньше был таким умным мальчиком, теперь тоже ведёт себя неподобающе. Он поставил ту

проклятую пьесу!

Князь Ци покорно опустил голову, словно принимая её слова.

Княгиня повернулась к князю Ань:

— Я думаю, что дело князя Ци не так уж серьёзно, нужно лишь найти человека, который бы замолвил за него словечко. Императора уже выгнали из столицы, неужели они хотят уничтожить весь род Айсинь Гиоро? Вы — братья, и должны поддерживать друг друга.

Князь Ань, не желая вмешиваться в проблемы князя Ци, но будучи послушным сыном, согласился. Чэн Фэнтай, наблюдая за этой сценой, с улыбкой шепнул Фань Ляню:

— Я слышал, что князь Ци — человек простоватый, но сегодня он выглядит совсем не глупым! Можно даже поставить оперу — «Подношение Будды на день рождения».

Фань Лянь ответил:

— Он действительно немного странный. Но в наше время кто по-настоящему глуп? Глупые давно бы уже потеряли всё. Он сумел выгодно продать свою резиденцию и сохранить своё состояние, так что глупым его не назовёшь.

Чэн Фэнтай с сожалением вспомнил о резиденции:

— Ты тоже думаешь, что я переплатил? Ах, он не глуп, это я был глупцом.

Фань Лянь утешил его:

— Ты просто не хотел огорчать мою сестру. Ты заплатил тысячи за её улыбку, и это достойно настоящего мужчины.

Фань Лянь всегда умел утешить своего зятя, и Чэн Фэнтай сразу почувствовал себя лучше:

— Да, когда я думаю, что это ради её счастья, мне становится легче.

В это время князь Ци, закончив разговор с княгиней и князем Ань, подошёл к Фань Ляню и вежливо поприветствовал его:

— Господин Фань, давно не виделись.

Фань Лянь, известный своим умением заводить друзей, быстро сблизился с князем Ци. Он представил ему Чэн Фэнтая, и их разговор зашёл о резиденции.

Князь Ци спросил:

— Господин Чэн, вам удобно жить в резиденции?

Чэн Фэнтай, чувствуя, что князь Ци смотрит на него как на дурака, решил оправдать свою покупку:

— Всё хорошо, только немного холодно. Сад просто великолепен, моей жене он очень нравится. Вы запросили высокую цену, но она оправдана. Даже те камни из озера Тайху сейчас редкость.

Князь Ци улыбнулся:

— Цена высока не из-за сада. Господин Чэн, вы должны знать, что моя мать покончила с жизнью в этом доме. Но вы, вероятно, не знаете, что когда мы вернулись из Сианя, то нашли в колодце лишь её одежду. Её тело уже растворилось. В последующие годы служанки не раз видели её призрак, блуждающий по дворам. Она умерла с ненавистью, и её дух не нашёл покоя. Когда я продавал дом, я решил, что не могу отдать его дёшево — это было бы неуважением к моей матери.

Фань Лянь почувствовал дрожь, но в то же время его разобрал смех. Эти противоречивые эмоции застряли у него в горле, и он смотрел то на князя Ци, то на Чэн Фэнтая с глупой улыбкой. Князь Ци говорил совершенно серьёзно, без тени шутки или желания напугать, и на его лице читалась искренность.

Чэн Фэнтай на мгновение замер, уставившись на князя Ци:

— Ты... это...

Князь Ци поклонился:

— Прошу прощения, мне нужно отлучиться.

Когда князь Ци удалился, Чэн Фэнтай, придя в себя, ударил по подлокотнику кресла:

— Чёрт возьми!

Его громкое восклицание привлекло внимание гостей, и даже князь Ань обернулся. Дядя князя Ци был бывшим императором, и такие слова могли быть восприняты как оскорбление.

Фань Лянь поспешно схватил его за руку:

— Зять, успокойся. Он действительно странный. Все знают, что он такой.

На самом деле даже Фань Лянь не мог понять, был ли князь Ци действительно странным или просто притворялся. Если он, такой проницательный, не мог разгадать его, то остальным это было и вовсе не под силу.

Князь Ци оставался загадкой.

Шан Сижуй, направляясь в гримёрку, был остановлен сыном князя Ань, бэйлэ Анем. Тот, дождавшись Шан Сижую, обрадовался и начал болтать без умолку:

— Господин Шан, почему я не видел вас за столом? Я хотел выпить с вами! Где вы прятались? Вы меня игнорируете! Вы пробовали жареного карпа? Его доставили из Ханчжоу без задержек. А ещё блюдо с улитками... Эй, господин Шан!

Видя, что Шан Сижуй не проявляет интереса, он попытался схватить его за руку, но не успел.

Ню Байвэнь, опасаясь обидеть бэйлэ Аня, с улыбкой попытался остановить его:

— Ваше высочество, сегодня особенный день, и мы не можем задерживать господина Шана. Лучше займите своё место в зале.

Бэйлэ Ань оттолкнул его:

— Я просто хочу поговорить с господином Шаном, отойдите! Господин Шан, господин Шан...

Шан Сижуй, не желая общаться с ним, коротко ответил и продолжил путь в гримёрку. Остальные актёры тепло приветствовали его. Шан Сижуй был дружелюбен и пользовался уважением в театральных кругах. Лишь один человек лежал в кресле, накрыв лицо горячим полотенцем, рядом с ним на столике стояли курительные принадлежности, и в воздухе витал сладковатый запах опиума. Шан Сижуй догадался, что это был Хоу Юйкуй, чей голос когда-то напугал дворцовых канареек.

<http://bllate.org/book/15435/1368592>